

НАНА РАЙ

ЧУЖОЕ
ТЕЛО

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

16+

Нана Рай

Чужое тело

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66859313

SelfPub; 2022

Аннотация

Нина просыпается через пятьдесят лет и понимает, что от нее настоящей остался лишь мозг в теле киборга. Воссоединение семьи после чудесного воскрешения или тайный мотив провести опасный эксперимент? Ведь ее убийца до сих пор жив.

Нана Рай

Чужое тело

– Это сенсация!

– Не могу поверить. Мы воскрешаем человека!

– Не просто воскрешаем, а делаем совершеннее. Только...

– Что?

– Заказчик просил кое-что подправить в ее памяти, но я не смог.

– И ты ему не сказал?!

– Нет. Иначе бы он не дал разрешения на этот эксперимент. Маленькая ложь на благо науки.

– Если не считать того, что ложь вскрыется, и полетят головы...

Ее тело будто каменное. Такое тяжелое и чужое. Словно в нее влили тонну железа, и она еще чудом может шевелить пальцами и даже ногами. Поворачивать голову из стороны в сторону. Вот только открыть глаза боязно. Нина слишком долго спала.

– Ну, давай, девочка, просыпайся. Я знаю, ты меня слышишь.

Теплый мужской голос ласково уговаривает, словно она – обезьянка, и он хочет взять ее на руки. Нина делает вдох и послушно раскрывает глаза.

В комнате горит приглушенный свет ночника, который

висит, как летающая тарелка, посреди потолка. На кремовых стенах пляшут желтые звездочки, а сама Нина лежит в мягкой кровати, укрытая легким одеялом. Рядом с ней на стуле сидит полный мужчина с широкой улыбкой. В его прямоугольных очках отражается заспанное лицо Нины. Странно, что она видит себя, но не видит его глаз. Очки зеркалят все, что в них попадает, но не пускают в душу хозяина.

– Ну вот, – мужчина нервно проводит по черным волосам, густой шапкой покрывающих его голову, – здравствуй, Нина. Рад с тобой познакомиться. Меня зовут Игорь Михайлович. Ты в моей клинике. Но не волнуйся, твои родные уже едут и скоро будут здесь. Москва стала еще больше с тех пор, как... – он вдруг громко кашляет в кулак. Сболтнул лишнего, не иначе.

– Что со мной случилось?

Нина поворачивает голову и только сейчас замечает встроженный в стену планшет. Правда тонкий стеклянный экран сложно назвать тем планшетом, к которому она привыкла, но в любом случае на нем высвечиваются все показатели. Сердцебиение, пульс, и еще множество столбиков и цифр с английскими аббревиатурами. Странно, но на ее теле нет никаких датчиков...

– А что ты помнишь последнее?

Она хмурится. Лето, жара, от которой дурно до такой степени, что перед глазами пляшут красные точки. И вместо игры в бадминтон Нина млеет в своей комнате под кондици-

онером, боясь даже думать о том, чтобы выйти на улицу. Последнее лето перед поступлением в университет. Последнее лето перед совершеннолетием.

– Я читала книгу «Франкенштейн» Мэри Шелли, а потом все расплывается. Кажется, я потеряла сознание. У меня был солнечный удар?

Предположение глупое, но Нине отчаянно хочется взять ситуацию под контроль. Показать, что она помнит, что с ней случилось и что она знает, где находится. Создать хотя бы видимость, лишь бы не поддаваться страху, нарастающему внутри.

– Эм-м, нет, – Игорь Михайлович встает и демонстративно потряхивает белый халат, хотя он чистый. – Знаешь, что мы сделаем? Ты сейчас переоденешься, а я решу некоторые вопросы, и мы перекусим в столовой, пока ждем твоих родственников. Одежду найдешь здесь, – он стучит по стене рядом с дверью.

Скрытая панель отъезжает в сторону, и Нина видит зеркало и вешалку, на которой скромно висит черное платье с белым воротником и манжетами. На первый взгляд ее размер.

– Дождись медсестры, она проведет тебя.

Когда главврач выходит из комнаты, Нина осторожно встает, и показатели на планшете меняются. Куда ее запихнул отец? Что произошло? Тревога продолжает нарастать, а вместе с ней мигрень.

Нина разглядывает себя в зеркале, и ее не покидает

мысль, что тело – чужое. Кожа слишком мягкая и чистая. С лица исчезли родинки, губы стали полнее. Рыжие волосы чистые и скользят между пальцев, а кончики не сухие, хотя она не раз сжигала их краской. Вроде бы и она. И все же нет. Разве что темно-зеленые глаза не изменились.

Нина встряхивает головой и быстро переодевается, стараясь не думать, что с ней вытворяли в этой клинике. Но волнение никуда не уходит, и чем быстрее бьется сердце, тем стремительнее растут цифры на планшете. Нина старается глубоко дышать, как ее учил психолог, чтобы унять эмоции. Потому что, если она выйдет из себя – может случиться беда.

Нина жмурится, прогоняя воспоминание, когда она в последний раз перестала себя контролировать. Все закончилось плохо...

Входная дверь с тихим щелчком отъезжает в сторону, и на пороге возникает улыбчивая медсестра. Светлые волосы пушистым облачком выглядывают из-под белого чепчика, а на бейдже красуется тисненное золотом имя: «Мария». И все? Еще бы подписали Тереза, чтобы дополнить образ ангела. Если внешность Нины вызывает подозрение, то Мария и во все кукольный персонаж.

– Здравствуй, Нина. У тебя прелестное имя. Позволь, я проведу тебя в столовую, – она отступает в сторону и рукой предлагает выйти из комнаты.

– Спасибо, – Нина хмурится.

Игорь Михайлович не такой идеальный, как Мария, по-

этому располагает к себе больше.

Нина ненавидит людей без недостатков. Чаще всего за их идеальной оболочкой скрывается червоточина. И вот теперь она сама стала такой же.

В коридоре ее встречают те же кремовые стены и мерцающие теплым светом лампы, убегающие вперед по потолку. Вместо дверей лишь золотистые таблички с номерами палат, а очертания проемов настолько скрыты, что кажется будто их и нет вовсе.

Мария подводит Нину к стеклянному кубу:

– Это лифт. Сейчас мы спустимся на первый этаж, – раздражающе нежным голосом объясняет она.

Нина неохотно заходит внутрь. Поскорее бы отец забрал ее домой. И где он нашел такую клинику? Здесь только фильмы ужасов снимать.

Лифт бесшумно ползет вниз, и сердце замирает от увиденного. Перед ней раскидывается огромное светлое фойе, по которому снуют... Марии. Одна ведет под руку старика, другая сидит за стойкой, третья о чем-то беседует с посетителями. Нина пытается сосчитать клонов, но сбивается после десяти.

– Что это за место?! – она прижимается спиной к прохладному стеклу и смотрит на медсестру, но та продолжает улыбаться безмятежно, словно младенец.

– Это клиника «Выздоровление» Игоря Михайловича Краснова. Здесь используются самые передовые технологии,

в том числе роботизированный персонал. Не стоит бояться. Чувствуйте себя в клинике, как дома.

Лифт останавливается, и стеклянная дверь растворяется в воздухе. В первый раз Нина этого не заметила, а сейчас в ужасе выбегает из лифта и пытается отдышаться. Со всех сторон на нее сыплются приветливые улыбки Марий. Но вот кажется помимо Нины никого из пациентов это не смущает.

– И сколько я здесь нахожусь? – хрипит она.

– О, не так долго. Всего две недели, – и снова милая улыбка, от которой тошно.

Конечно, в двадцать первом веке наука движется стремительно, но Нина не верит, что за две недели прогресс достиг таких вершин.

– Следуйте за мной, – Мария подводит ее к арочному проему и снова делает приглашающий жест рукой. – Игорь Михайлович ждет вас.

Столовая оказывается вовсе не столовой, а маленьким кафе на три столика с уютными бежевыми креслами, где официанткой работает такая же Мария.

Нина замирает посреди комнаты, боясь подойти к Игорю Михайловичу, хотя он с улыбкой указывает на место за круглым столом.

Один, два, три... Нина мысленно считает до десяти, поражаясь как еще не свихнулась, хотя сердце отбивает чечетку, а ладони влажные от пота. Но стоит сесть рядом с главврачом, как вопросы вылетают один за другим:

– Что это за место? Откуда эти роботы? Почему я здесь?

Игорь Михайлович смущенно пододвигает к Нине ароматный капучино и салат с кешью и черри:

– Я бы хотел избежать этого разговора, но твои родные посчитали, что у меня лучше получится донести до тебя некую абсурдность ситуации, – витиевато начинает он.

Нина откидывается на спинку кресла. Кофе щекочет ноздри, и салат выглядит аппетитно, но странно, ей совсем не хочется есть. Даже после двух недель комы. Комы ли?

– Вы можете говорить яснее?

– Деточка, понимаешь ли... – Игорь Михайлович краснеет и оттягивает ворот халата. – Ты мертва уже как пятьдесят лет.

– Что?

Его слова напоминают белый шум, который звучит на фоне и раздражает своей бесполезностью.

– По трагической случайности ты погибла в семнадцать лет. Твой отец был вне себя от горя, но, как человек богатый, он заморозил твой мозг в надежде, что когда-нибудь придет время, и он сможет тебя воскресить! – голос Игоря Михайловича поднимается на октаву выше, но он быстро берет себя в руки, и делает пару глотков чая, словно позволяя Нине переварить информацию. – Такие времена настали, но, увы, увы... Твой отец умер двадцать лет назад. А вот брат, уважаемый Денис Анатольевич, дождался и поручил мне сотворить нечто великое! – он порывисто берет Нину за руку. –

Милая моя – ты чудо! Конечно, мы еще не умеем пересаживать мозг в тело живого человека, но и зачем, когда есть роботизированная техника. Теперь ты – совершенство. Ты – киборг!

Нина осторожно освобождается из крепкой хватки Игоря Михайловича и буквально вжимается в кресло:

– Я понимаю, это какая-то проверка? Там... на психоз или тягу к суициду? Знаете, у меня были проблемы со вспыльчивостью, но я научилась контролировать эмоции и теперь...

– Нет, нет! – он машет руками, будто пытается взлететь. – Все, что я сказал – правда, моя девочка. И если вы еще раз дадите мне свою ладонь, я докажу.

Нина хмыкает и протягивает руку, но сомнения заставляют на секунду задержаться. А вдруг, доверившись ему, она завалит секретный тест? Но Игорь Михайлович ловко переворачивает ее руку ладонью вверх и нажимает на центр. Раздается жужжание, и на запястье разъезжается кожа, оголяя маленький экран. Нанем высвечиваются такие же показатели, как на планшете в палате. А дальше вокруг все плывет, и Нина, будто в мареве, падает на пол.

***

–Ничего не хочешь мне сказать?

Дверь в спальню Нины распахивается, и на пороге возникает Люся. Длинное платье в пол лимонного цвета, набелокурых волосах белая шляпа с широкими полями. Она всегда одевалась экстравагантно для семнадцатилетней девушки.

Ее лицо пылает розовым румянцем, но не от смущения. От гнева.

Нина приподнимается на локтях и сонно смотрит на лучшую подругу:

– Должна?

– Ты увела у меня Володю!

Люся хватает с полки плюшевого медвежонка и швыряет в Нину.

– Что?! – она не успевает увернуться от игрушки, и та попадает ей прямо в нос. – Никто его не уводил!

– Вы целовались!

– Это ОН меня поцеловал, я даже не успела ничего понять. А потом Володя извинился и сказал, что это было ошибкой, – сбивчиво объясняет Нина и старается глубоко дышать.

Один, два, три... Злость начинает бурлить в крови.

– Ну, да! Конечно, – фыркает Люся. – Нинуля так сопротивлялась, так сопротивлялась! Божечки ты мой! – тонким голосом иронизирует она.

– Что случилось? Почему девчонки дерутся, а я не в курсе? – в комнату заходит Денис и подмигивает Люсе. На нем растянутая футболка с мотоциклом, из-под спортивных штанов выглядывают босые ступни. Черные волосы взъерошены после сна, и так и хочется провести по ним рукой – пригладить. – Я услышал краем уха, ты теперь свободна? Пойдем в кинчик? Почилим?

– Да пошел ты, Денис! Я с твоей сестрой разговариваю, – Люся хищно щурится.

– Я не уводила у тебя Володю, – дрожащим голосом заявляет Нина и встает с постели.

Денис переводит взгляд на Нину и бледнеет:

– Тихо, тихо... Нина, дыши, просто дыши... – он обхватывает ее за плечи и прижимает к себе.

– Ты – лживая дрянь! – слова Люси звенят в тишине комнаты.

Минутная пауза...

– Пошла вон, истеричка!!! – орет Нина и рыпается в руках Дениса, и он крепче сжимает ее в объятиях.

– Нина, прошу, дыши.

Слова брата едва долетают до ее сознания. Надоедливо пищат на фоне. В ушах стучит кровь, и ее шум нарастает волной.

... семь, восемь...

– Сама такая! – Люся выпрыгивает в коридор, видимо осознав, что Нина на грани. – Мы еще не договорили, Ниноля. Поверь мне, я это просто так не оставлю...

Когда она уходит, Нина глубоко вздыхает и повисает на Денисе:

– Я чуть не сорвалась, – шепчет она. – Я так давно не выходила из себя, что даже подумала... подумала, что болезнь прошла, и я теперь... уравновешенная...

– Все хорошо, Нин, все хорошо, – пальцы Дениса впивают-

ся в ее плечи. – Тут любой выйдет из себя.

– Да, но только у меня возникло желание выцарапать ей глаза.

***

Родственники за ней не приехали. Вместо этого прислали флаймоб, как ей заранее объяснил Игорь Михайлович, автомобиль, который летает без водителя. При жизни Нины автотопилот только начинали тестировать. А эта стальная капсула, под днищем которой прятались большие урчащие квадрокоптеры, убежала далеко вперед. На пятьдесят лет точно.

Игорь Михайлович пожелал Нине удачи и напомнил, что ждет ее через неделю на прием, дал электронную визитку с цифро-буквенным номером, если она захочет связаться раньше, и чуть ли не расплакался, когда Нина с опаской села в флаймоб, и тот взмыл ввысь.

Затонированные окна внутри оказываются прозрачными, и Нина с жадностью припадает к стеклам, разглядывая раскинувшуюся под ней Москву. Но новая часть города, где построена клиника «Выздоровление», сплошь и рядом усеяна небоскребами наподобие тех, что в начале двадцать первого века гордо именовали Москвой-Сити. Поэтому флаймоб набирает высоту, пока не поднимается над ними, а белесая дымка облаков скрывает вид на город.

Нина со вздохом откидывается на сидении и проводит пальцами по серой обивке, на ощупь напоминающую замшу. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: флаймоб –

удовольствие не из дешевых, а значит у ее семьи все так же хорошо с деньгами. Вместо водительских мест еще один ряд пассажирских кресел, расположенных к Нине. Попериметру машины мигают разноцветные огоньки, и создается ощущение, что флаймоб напичкан электроникой.

Как и Нина... Она ежится и разглядывает дрожащие руки, вспоминая объяснение Игоря Михайловича после того, как ее привели в чувство.

Ты – киборг. У тебя тело робота, но мозг человека. Ты можешь испытывать боль, радость, печаль, можешь плакать... Тебе доступен весь спектр эмоций. Ты можешь чувствовать запахи, вкусы, а самое главное – мыслить. Остальные роботы этого лишены. Они действуют по четко заложенной в них программе. В целом, ты ничем не отличаешься от обычной девушки. Может чуть выносливее, быстрее, но никто не догадается, что ты – киборг, пока сама об этом не скажешь. Твой мозг так же нуждается в питании и отдыхе, только тело будет отфильтровывать вредные вещества из еды и воздуха, способные его погубить. Тем самым увеличивая ресурс мозга, однако не делая –бес-смертным. Но триста лет вечной молодости в запасе у тебя есть. И запомни: возможно, ты и киборг, но и человек тоже.

Нина содрогается. Она стала идеальной машиной, и от этого еще страшнее. Утешает одно, если она захочет, то можешь пустить себе пулю в лоб и снова окунуться в забвение.

Вот только что ужаснее?

Незаметно для Нины флаймобначинает спуск и вскоре приземляется на гравийной парковке перед домом. Домом, в котором она родилась, выросла и... умерла. Но все равно радостно, что хоть что-то осталось неизменным.

Трехэтажный особняк с белыми колоннами ждет потерявшуюся на полвека хозяйку, радушно раскрыв двустворчатые двери. Нина поднимается по стертым ступеням и невольно вздыхает. Она помнит их почти новыми. Помнит день, когда они семьей переехали сюда. Папа подхватил и перенес маму через порог. Ее смех далеким эхом стоит в ушах. Сердце болезненно сжимается, правда теперь Нина знает – сердца нет. И это щемящее чувство в груди вызвано осознанием, что родителей тоже нет. Она потеряла их в день своей смерти, в семнадцать лет.

– Нихао.

На крыльцо выходит девушка, и в ее чертах Нина угадывает сходство с собой. Темно-зеленые глаза, светлые прямые волосы, как и у Нины до покраски.

– Элиза, – девушка протягивает руку и крепко пожимает ее ладонь.

– Нина. У тебя такое необычное имя.

– Да нет, – Элизахмыкает, и ее губная помада меняет цвет с розового на сиреневый. – Это у тебя необычное имя, а у нас последние тридцать лет фаньрон на оригинальность. Ой, прости, забыла, что ты не из нашего времени. Фань-

рон – это... типо, бум, движ... Никудышный из меня переводчик, – Элиза морщит лоб и тут же улыбается. – У меня есть друг –Брабант, родители назвали его в честь породы туй. Печальный парень, –она фыркает и подхватывает Нину под руку. – Я – единственная, кто осмелился тебя встретить. Остальные ждут в зале. Дед боится словить инфаркт раньше времени, хотя, я считаю, ему давно пора на тот свет.

Нина ошарашенно смотрит на Элизу, но та только поджигает губы. На ее футболке вдруг оживает рисунок, и балерина в черной шопенкеначинает танцевать смесь хип-хопа и джаза.

Все в этом мире чужое, и с каждой минутой становится только хуже. Нина мысленно считает от одного до десяти, и к концу счета злость отступает, а желание что-нибудь разбить затихает, но не уходит окончательно. Нет. Необузданное чувство притаилось в тени, ожидая момента, когда Нина не сможет себя контролировать.

– Прихожая, – проводит экскурсию Элиза, – столовая, там кухня... Да чего я распинаюсь! – она разворачивается на пятках посреди длинного коридора на старом, но глянцевом паркете. – Планировка не менялась лет двести. Я уже устала просить деда обновить дом, а он упрямый. Говорит, дом – это его бремя, и он ничего не поменяет в нем, пока жив, – Элизакривит губы. – Только вот чует мое сердце, что после твоего вандефулвоскрешения он следующим побежит за новым телом. Кстати, не думай, что ты сможешь вернуться к

южуал жизни. Скоро главврач той клиники всем разверещит о своем прорыве в науке, и тебя факнут сразу.

К концу речи Нина едва улавливает, о чем говорит Элиза, и видимо это отражается на лице, потому что та смущенно кривится:

– Прости. Забываю, что между нами социальная пропасть в пятьдесят лет. Постараюсь говорить по-человечески, – она уже разворачивается, чтобы идти дальше, но Нина ловит ее за руку:

– Послушай. Я понимаю, это все... неправильно, – нужное слово тяжело подобрать. – И я понимаю, что моя жизнь будет иной. Ведь на самом деле она закончилась много лет назад, оборвалась, когда меня столкнули вот... с этой... лестницы... – Нина замедляется и в ступоре смотрит на крутую лестницу с лакированными ступенями шоколадного цвета.

Момент смерти врывается в память оглушающим выстрелом. Нина наяву ощущает, как кто-то толкает ее в спину, между лопаток, ноги подкашиваются, и она летит вниз... Удар, еще один, боль, боль, боль...

– Баста! – Элиза поднимает руки вверх. Ее глаза широко раскрыты, и от ужаса кровь сбегает с лица. – Тебя убили? Здесь? – она оглядывается на лестницу. – Скабрзный черт! Ой, прости!

Повисает напряженная тишина, из-за которой на Нину вновь наваливается мигрень. Это уже слишком. Новый мир, новое тело, новая жизнь, но вот прошлое никто не отменял.

Она здесь чужая. И она хочет домой.

Один, два, три, четыре, пять... Напряжение постепенно отпускает.

– А ты помнишь кто тебя убил?

Элиза с любопытством вглядывается в Нину. Мурашки бегут по рукам, волоски встают дыбом, потому что чем больше она общается с Элизой, тем больше замечает сходств. Маленькая родинка возле левого уголка рта, припухлость верхней губы, разрез глаз, их цвет... Жизнь продолжалась даже после смерти Нины. И в итоге получилась Элиза, ее внучатая племянница, которая сойдет за ее ровесницу. Лишнее доказательство того, что Нина – ошибка.

– Нет, – шепчет она. – Но хотела бы знать.

– Да, вот так нежданчик. Дед всегда говорил, что ты трагически погибла – сломала шею, упав с лестницы. Он первый нашел твое тело, – к Элизе возвращается безмятежность, и она подхватывает Нину за руку, после чего тащит наверх. – Знаешь, я, если честно, не воспринимаю тебя, как двоюродную бабуку. Ты просто девчонка, которая теперь будет жить с нами и выглядит слишком потерянной и запуганной для киборга.

Они останавливаются посреди коридора, устланного изумрудным ковром. На стенах висят семейные портреты, и на одной слегка пожелтевшей от времени фотографии Нина замечает себя. Вот она, с ее недостатками: секущиеся волосы, светлые отросшие корни волос, веснушки от солнца.

– Как будто не уходила, правда? – восхищенно шепчет Элиза. Она видимо не замечает никаких различий между той и нынешней Ниной.

– Послушай, получается твой дед – мой брат?

На фотографии Нину обнимает высокий темноволосый парень. А сейчас ему семьдесят лет.

– Ну, да... – энтузиазм Элизы исчезает.

– А кто еще там будет? В зале.

– Только дед и Людмила Ивановна. Она вроде как твоя лучшая подруга была. Больше никого нет. Мои родители, они... погибли.

Нину пробирает дрожь. Удивительно, как работает человеческий мозг в теле робота. Он полностью синхронизирован с ним и посылает импульсы даже в кончики пальцев. Почему врач не подправил его и не убрал у Нины агрессию, которую сдерживать становится все труднее и труднее? Один, два, три... Нина сжимает и разжимает пальцы. ... Четыре, пять, шесть... Брак человеческого мозга – вот что это такое. И даже медицина будущего бессильна перед ним.

– Сожалею.

– Угу, – мрачно кивает Элиза. – Два флаймоба столкнулись. Техническая ошибка. Мне было пятнадцать. С тех пор я уже два года живу с дедом, но даже не знаю, что лучше: приют или дед-опекун?

– Что ты хочешь сказать? – Нине никак не совместить в голове два образа: брат – молодой, задорный Денис и... ста-

рый дед?

Она переводит взгляд на другую фотографию в серебряной оправе: на ней «дед» ловит рыбу и лихо закидывает удочку в реку. Снимок напоминает живое фото, которые делали на телефоне в ее времена. Только это был не смартфон, а тонкий экран, почти как бумага, а на нем—пять секунд из жизни человека. В профилепожилого мужчины угадываются черты Дениса, но больше ничего не напоминает о нем. Седая копна волос, острая ухоженная бородка. Чужой человек. А ведь для Нины еще вчера он был молодым.

—Долго рассказывать, — хмурится Элиза. — Пошли, мы и так слишком долго идем. Дед, наверное, весь извелся.

Она толкает соседнюю дверь и с радостным кличем заходит внутрь:

— Представляю вашему вниманию Нину! Девушка, которая вернулась с того света!

В зале светло, и когда Нина переступает порог, кажется, что она снова дома. Здесь нет ни живых фотографий, ни медсестер с одинаковыми лицами, ни флаймобов. В гостиной приветливо горит камин, мягкие ретро-кресла приглашают в них сесть, а кофейный столик накрыт кружевными салфетками и засервирован изогнутыми чашками с чаем.

Фарс Элизы никого не впечатляет. Две пары глаз неотрывно глядят на Нину, и от пристального внимания ей становится не по себе. Первой приходит в себя пожилая женщина в длинном платье блекло-желтого цвета, который невыгодно

подчеркивает пергаментность ее кожи.

– Божечки мои, – знакомое выражение из уст старухи режет уши. – Нинуля, это и правда ты...

– Люся?

– Ой! – Людмила стаскивает с седой головы широкополую шляпу, и в ее голубых глазах замирают слезы. Время не убило любви Люси к экстравагантным нарядам.

Нина падает в свободное кресло. Нет, этого не может быть. Дурной сон не иначе...

– Ниночка! – опираясь на трость, на ноги поднимается мужчина, которого она уже видела на фотографии. – Я не верю, что получилось. До последнего боялся, все ждал звонка, что... ничего не вышло. Но вот ты здесь.

Прихрамывая, он подходит к Нине и отбрасывает трость. Раскрывает объятия, и она не выдерживает. Кидается ему на шею и, наконец, дает волю слезам. Она дома, она все-таки дома. Спустя пятьдесят лет.

***

Их выгнали бегать на улицу, хотя моросит дождь, сыро, холодно, и от этого настроение поганое. Но учитель физкультуры решил погонять восьмиклассников перед кроссом. А задобрил призом: кто первый пробежит стометровку, тот месяц не ходит на физкультуру.

Нина с утра борется с раздражением. Оно накатывает, как цунами, и счет до десяти помогает, но плохо. Почему ее природа наградила вспыльчивостью, никто не знает. Но

в детстве Нина отрывала головы куклам не из любопытства, а потому что они ее бесили.

– На старт, внимание, марш! – учитель свистит, и они срываются с места.

Под кроссовками скрипит песок по асфальту, шумит мелкий, противный дождь, между голыми ветвями деревьев вьется невидимый ветер. Вперед вырывается Машенька-отличница. Сегодня она переештывалась со своей подружкой и ехидно поглядывала на Нину. И крутила пальцем у виска. Да. Мало кто хочет дружить с психичкой. Но до сих пор Нина вела себя спокойно. Только один раз швырнула в спину одноклассника портфель. Один раз.

Нина прибегает второй. Ей не хватало всего чуть-чуть, чтобы обогнать Машеньку-отличницу с рыжей косой.

– Ура! – запыхавшаяся Маша радостно поднимает руки вверх.

Учитель ее поздравляет, а она бросает на Нину очередной высокомерный взгляд.

...девять, десять.

Кровь ударяет в голову, и перед глазами мутнеет. Дикая, необузданная ярость вырывается из Нины вместе с криком. И она бьет, рвет, царапает, а Машенька визжит под ней, как поросенок на убой.

Нину с трудом оттаскивают, но она еще долго не может успокоиться. И уже никакой счет ее не успокаивает. Потом она придет в себя и ужаснется тому, что натворила. По-

том придется снова пройти курс у психолога, сменить школу, надеть маску искусственной вежливости и спокойствия. Потом она будет бояться лишний рад проявить даже радостные эмоции, чтобы не сорваться.

Но это все будет потом.

***

...Помнишь, накануне твоей... твоего ухода мы поругались? Я обвинила тебя, что ты увела у меня парня. Такая дура была! Из-за мужика ругаться, а ведь он тем еще мудаком оказался. Прости меня, Нинуля...

...Когда я нашел тебя возле лестницы... не мог поверить, что тебя больше нет. Родители были подавлены, мать так и не оправилась, а отец... Он стал носиться с этой идеей насчет заморозки мозга и сделал все в тайне от нас, потому что мама была против. Ты же знаешь, она была богобоязненной женщиной. Жаль, что они не дожили до этих дней...

Они долго говорили, уже давно стемнело, когда Нину, наконец, провели в спальню. Ее комната, ее прежняя комната изменилась. Исчезли книги, картины, занавески сменились на современные экраны, которые показывают за окном море, леса, все, что угодно, только не тоскливые серые дома в старой части города. Односпальная кровать в углу стоит не на ножках, а парит в воздухе. Покрывало скользит под пальцами теплым плюшем.

– Теперь здесь я живу, но мы решили, что тебе будет комфортнее в своей старой комнате, пусть обстановка и стала

современнее, – Элиза хмыкает. – Я проживу в гостевой.

– Да, знаешь, мне уже не важно, – Нина садится на кровать и поддается странному порыву зарыться головой в подушку.

– Не, не, так решил дед. Его лучше не злить. Слушай, – Элиза падает на большой мягкий шар вместо кресла и утонула в нем. – Ты не вспомнила, кто тебя убил? Может дед знает или...

– Люся.

– Что? – опешивает Элиза.

– Думаю, что Люся могла меня толкнуть с лестницы. Она была в тот день в гостях, и мы поссорились, потому что ее парень сказал ей, будто встречается со мной. Она поверила ему, но не мне, – Нина сжимается калачиком. Кажется, что все было вчера, но нет. Прошло много, много лет.

Злость сжимается в груди тугим огненным шаром. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Вдох-выдох.

– Вот скабрзность! – ругается Элиза.

– Что?

– Ну, плохи дела, короче, – она смущенно чешет затылок.

Нина выдыхает и засовывает под подушку руку. Пальцы натываются на холодный металл.

– Что это? – она вытаскивает на свет маленький серебристый пистолет, который идеально ложится в женскую руку.

– А, это... Последние полгода мне спится только с ним. Но оставь его под подушкой, думаю, сегодня он мне не понадобится, – Элиза быстро встает и подходит к двери. Нервно

выглядывает в коридор, затем бросает взгляд на Нину. – Не говори деду.

– Постой. Зачем он тебе? Ты боишься Дениса?

Элиза только поджимает губы и съеживается:

– Ты не знаешь на что он способен. Прости, я... Бай, короче, – и она растворяется в темноте коридора.

Нина вытягивается на постели и пялится в потолок. На нем загораются звезды, планеты, целая вселенная. Она видит землю, маленькую, круглую, одинокую и чувствует себя такой же. Слишком много, слишком тяжело, слишком...

Глаза смыкаются, и Нина вновь в прошлом. В своей предыдущей жизни. Ее толкают в спину, и она летит по лестнице вниз. Удар, боль... Говорят, после смерти мозг еще живет несколько секунд, и этого крохотного времени хватает, чтобы увидеть, как над ней наклоняется молодой Денис и злорадно улыбается.

– Сдохни, тварь, – шепчут его губы.

Нина с криком просыпается. Ее трясет, по вискам течет пот, а руки дрожат. Нет, нет, нет! Родной брат! Нет!

Один, два, три...

Нина берет пистолет и выходит из спальни. Комната брата находится в другом конце коридора.

...четыре, пять...

Она толкает дверь. Денис еще не спит, он сидит на старой кровати, зарывшись в старые фотоальбомы. Поднимает на Нину выцветшие от старости зеленые глаза.

...шесть, семь, восемь...

– Почему ты убил меня? – выдыхает Нина.

Она больше не может сдерживать себя. Злость бьет фонтаном из ее израненной души, которой у нее теперь нет. Зато есть мозг, и он истекает кровью. Нина направляет на брата пистолет.

– Наследство, – тонкими губами отвечает Денис. – Отец хотел лишить меня наследства и переписать все на тебя. Я думал, врач стер тебе память...

...девять, десять.

– Нет. У него не получилось.

Она стреляет брату прямо в мозг. Чтобы его не смогли воскресить, как ее. Чтобы он умер. Навсегда.

***

Игорь Михайлович барабанит пальцами по столу, раздражая Дениса Швецова. Тот хмурится, глядит на экран, где они просмотрели очередную модуляцию, созданную подсознанием Нины на основе тех фактов и фотографий, которые загрузили в ее мозг.

– В этот раз она застрелила вас, а не Людмилу. Прогресс, – он пытается приободрить клиента, но получает лишь гневный взгляд.

Картина на прозрачном экране меркнет, справа вновь мельтешат показатели состояния Нины, и они видят за стеклом мирно спящую девушку.

– А можно сделать так, чтобы она никого не убила?! – ры-

чит Денис.

– Все дело в ее смерти. Мозг Нины отказывается признавать, что она умерла по столь глупой случайности, и она ищет виновного. Но главное – модуляция развивается по разным сюжетам, а значит есть шанс, что однажды она воспримет все правильно.

– Я просто хочу воскресить свою сестру и пообщаться с ней еще раз перед смертью, – Денис трет глаза и устало встает, опираясь на трость. – Знаете, как тяжело смотреть ваши фильмы с участием Нины и знать, что если я ее оживлю, все закончится вот так?! Почему она видит во мне врага?

– Потому что ее мозг успел зафиксировать ваше лицо перед смертью. Да, ваш отец среагировал быстро. Мозг извлекли из тела и заморозили, он еще жизнеспособен, но возможно технологии того времени не позволяли сделать все правильно. К тому же, у Нины психическое расстройство, она вспыльчива и агрессивна. И мир настолько изменился, что она не успевает все усвоить и переварить, не потеряв контроль.

– Вы обещали, что оживите ее! – кричит Денис и тростью стучит по полу.

Игорь Михайлович раздраженно хмурится:

– Я это и сделал. Но я предупреждал, что будут последствия. Я ведь не бог.

Денис разворачивается к двери и глухо бросает перед уходом:

– Ищите способ избежать ваших чертовых последствий. Иначе придется... – он судорожно вздыхает. – В конце концов, я плачу деньги. И я хочу получить чудо.

Он уходит, а Игорь Михайлович остается один, разглядывая за стеклом безмятежное лицо киборга. Чудо? Он уже сотворил его. И никто не отнимет у него славу.

Он нажимает кнопку на пульте управления, запуская очередную модуляцию.